

— Ты смеешь называть старшую сестру по имени? Кто тебя учил таким манерам? Мать, отец или, может, бабушка?

— Я... я просто испугалась... Ты, ты не подходи!

Линь Ляоляо было двадцать девять лет. Даже будучи запертой в четырнадцатилетнем теле, она сохраняла ту же властность, что и прежде. Юную девчонку Линь Цзиньшу, конечно, пробрало до дрожи.

— Чего ты боишься? Я же тебе ничего не сделала.

Линь Ляоляо перевела взгляд на Цзыжоу и едва заметно кивнула. Цзыжоу поняла её без слов, тут же опустила полог кровати и принялась тихо утешать перепуганную Линь Цзиньчжэнь.

— Мне кажется... не потому ли ты так боишься, что совесть нечиста?

— Что значит совесть нечиста?

— Скажи мне правду: это ведь ты поранила руку пятой сестре?

— Я толкнула? Когда это я её толкала? Она сама упала, и миску тоже сама разбила!

В этот самый момент разыгралась настоящая драма. В ту же секунду, как Линь Цзиньшу повалилась на пол, дверь отворилась. Линь Сюань не только всё увидел, но и услышал в деталях.

Линь Цзиньшу, подобно иве на ветру, стоило лишь коснуться пола, как она тут же забилась в рыданиях.

Цюань-нян, стоявшая за дверью, была готова вжать уши в дверную щель. Она хотела было что-то спросить, но, обернувшись, увидела приближающихся Старую госпожу и хозяина дома, отчего в панике забарабанила по двери.

— Отец... — Цзыжоу хотела было продолжить, но Линь Цзиньшу её перебила.

— Что ты творишь?!

— Отвечаю Старой госпоже: моя барышня не была второй госпожой, это она сама...

От этого крика Цюань-нян все, кто находился в комнате и снаружи, слышали всё предельно ясно.

— Старшая сестра, не смей возводить на меня напраслину! Она сама обожгла руку, при чём тут я?!

Линь Цзиньшу пришла в ужас.

— Но отец, вы разве не спросите, почему я так поступила?

— Да! Это я... всё из-за меня, — Линь Цзиньшу вцепилась в штанину Линь Сыюаня, грубо прерывая Цзыжоу. Она опустила голову, и слёзы, словно рассыпавшийся жемчуг, застучали по полу. — Это не вина старшей сестры, всё я, я сама неосторожно упала, сама разбила чашу.

Она припала к коленям Линь Сыюаня, сотрясаясь от рыданий:

— Цзыжоу... ты личная служанка старшей сестры, конечно, ты будешь выгораживать её. Я знаю, что ты предана своей госпоже, но... неужели я так неправа? Неужели старшая сестра так меня ненавидит?

— Господин, моя барышня с самого утра лично готовила сладкий суп, хотела угостить пятую госпожу. А кто же знал, что, когда мы придём, старшая госпожа встретит нас с таким недовольством? Я всего лишь служанка, но мне так обидно за вторую госпожу...

— Что здесь происходит?

— Я признаю, это моя вина! Я не должна была толкать сестру, не должна была опрокидывать суп, который она держала...

— Ох, Шу-эр!

— Матушка Цюань, не надо, замолчите. Видимо, я пришла не вовремя и лишь вызвала раздражение у сестёр.

Линь Сыюань любил Линь Цзиньшу больше всех, а потому, не разбираясь в причинах, тут же набросился с обвинениями на Линь Цзиньхэ.

Линь Ляоляо пожала плечами:

— Чего ты так спешишь? Я разве сказала, что это была ты?

— Старшая сестра, что ты делаешь?!

Не успела она договорить, как послышались шаги. Линь Ляоляо своими глазами видела, как

Линь Цзиньшу с силой швырнула миску со сладким супом на пол. Белоснежный фарфор разлетелся вдребезги, а красный финик и семена бусенника разлетелись во все стороны.

Всё выглядело так театрально, словно было отрепетировано заранее.

Цзыжоу вытаращила глаза, затаив дыхание. На её лице было написано такое изумление, что не хватало только слов: Барышня, вы сошли с ума?

— Рабыня приветствует Старую госпожу и господина!

— ...

— Только у того совесть нечиста, кто так суетится!

Старая госпожа Линь перевела взгляд с Линь Цзиньшу на Линь Цзиньхэ, а затем указала на Цзыжоу.

Старая госпожа вошла позже всех и не видела, что произошло, но, зная характеры обеих внучек, она не особо доверяла словам Линь Цзиньшу.

— Вот странно... Почему она, видя всех остальных, чувствует себя нормально, а стоит ей увидеть тебя — пугается до смерти?

Цзыжоу была здесь с самого начала и видела всё в деталях.

— Что за глупости ты говоришь, Шу-эр?! — Линь Сыюань, чьё сердце было полностью отдано любимице, указал на Линь Цзиньхэ: — Посмотри, до чего ты довела свою сестру! Ни капли благородства старшей сестры! Живо проси прощения у младшей!

— Ты ещё смеешь спорить? Я видела всё своими глазами!

— Откуда мне знать! Она всегда была труслива, как мышь. Кого бы ни увидела — всех боится. Даже если бабушка говорит чуть громче обычного, она уже дрожит всем телом.

— ...

— Что именно здесь произошло? Говори.

Цюань-нян, продолжая говорить, вдруг захлебнулась рыданиями.

— Зачем ты толкнула свою сестру!

— Вы же только что...

— Матушка, вы как раз вовремя! Посмотрите на эту непокорную дочь, она посмела ударить сестру. Похоже, сегодня без наказания не обойтись!

Линь Ляоляо была в такой ярости, что ногти впивались в ладони. Как она могла так глупо попасться в ловушку? Просить прощения? Хорошо! Я тебе прощу так, что мало не покажется!

— Ты совершила ошибку, а ещё смеешь спорить?

— Я права, потому что заботилась о второй сестре, — Линь Ляоляо указала на Линь Цзиньшу.

— Она назвала старшую сестру по имени, я испугалась и хотела закрыть ей рот. Зачем мне было толкать её, если я не сумасшедшая? Если не верите, спросите Цзыжоу. Она точно не будет меня выгораживать.

Как только эти слова были произнесены, внимание всех переключилось на Линь Цзиньшу.

Линь Ляоляо подмигнула Цзыжоу. У той даже кожа на голове онемела: что это за представление? Но послушаться свою барышню она не могла, поэтому, опустив голову, принялась теребить подол платья.

— Да, барышня говорит правду... именно так всё и было.

— Кхм... — Старая госпожа прикрыла рот рукой и прочистила горло. — Обычная ссора между сёстрами. Довольно, идите по комнатам.

— Даже если так, нельзя же толкать людей, — Линь Сыюань продолжал защищать Линь Цзиньшу. — Цзиньхэ — старшая сестра, если младшие совершают ошибки, она тоже не должна оставаться в стороне.

Старая госпожа спросила:

— Ты хочешь сказать, что наказание неизбежно?

Линь Сыюань с каменным лицом ответил:

— Без правил нет порядка. Наказание необходимо.

Старая госпожа тяжело вздохнула и произнесла низким голосом:

— Тогда накажем обеих. Отправляйтесь в родовой храм и стойте на коленях до самого вечера.

— Матушка...

— Что? Несправедливо?

— Шу-эр действовала из добрых побуждений, — понизил голос Линь Сьюань.

— Добрые побуждения дают право называть старшую сестру по имени? Завтра я велю второму и третьему сыновьям называть тебя по имени, устроит?

Старая госпожа взмахнула длинным рукавом, задев руку Линь Сьюаня.

— Довольно. Не забывай, зачем ты сегодня пришёл.

Цюань-нян поспешила помочь Линь Цзиньшу подняться. Та согнулась в поклоне, и Старая госпожа мельком заметила её лицо.

— Почему я тебя раньше не видела?

— Отвечаю Старой госпоже: раньше я работала в поместье, только недавно меня перевели в дом.

— Только перевели — и сразу в главный дом? Немалые у тебя способности.

Старая госпожа хмыкнула и больше не проронила ни слова.

Павильон Циньсэ.

— Ах ты дрянная девчонка! Прикрываясь милостью Старой госпожи, решила показать мне, кто здесь главный?!

— Кто бы спорил! Старшая госпожа теперь стала такой грозной. Как только вторая госпожа приходит, она сразу придумывает отговорки, не пускает её. А когда та с трудом пробилась, она меня вытолкала! Вторая госпожа наверняка обижена, мало того что обижена, так ещё и наказана Старой госпожой...

— А господин? Он что, ничего не сказал?

— Господин не хотел наказывать, но Старая госпожа настояла, мол, раз виноваты обе, то и

наказание будет для обеих. Госпожа... им ведь стоять на коленях до вечера, в храме так холодно и сыро, а вторая госпожа такая хрупкая, как она выдержит? Да и обед они пропустили...

Лю Хуэй, скрестив руки, постоянно поглядывала на улицу.

— Иди, приготовь что-нибудь, отнеси в родовой храм барышне.

— Слушаюсь, сейчас же иду.

В родовом храме Линь Ляоляо и Линь Цзиньшу отбывали наказание. Обед пропустили, а Старая госпожа строго-настрого запретила кому-либо приближаться к ним до самого вечера.

Но как только пришло время ужина, Цюань-нян прокралась тайком, чтобы передать еду. Линь Цзиньшу была голодна как волк, и, увидев в коробке сладости, тут же схватила одну. Но не успела она сделать и пары укусов, как человек рядом, до этого дремавший с опущенной головой, вдруг выпрямился, и на неё устремился ледяной взгляд.

В тот же миг сладости стали безвкусными. Линь Цзиньшу считала, что она ничем не уступает Линь Цзиньхэ, но из-за того, что родилась позже, постоянно была в подчинённом положении. Даже сейчас, в такой ситуации, она не хотела проигрывать. Съев лишь половину пирожного, она положила его обратно в коробку и вытерла платком крошки с уголков губ.

— Матушка Цюань, забери это обратно, я не голодна.

— Барышня, не время сейчас упрямиться. Берегите здоровье, не доводите себя до голода.

— Я же сказала, что не голодна! Ты хочешь, чтобы бабушка снова меня наказала?!

Цюань-нян, не в силах переубедить Линь Цзиньшу, пришлось забрать угощение. Пришла и ушла, даже словом не обмолвившись со старшей госпожой.

Линь Ляоляо потирала живот. Как только Цюань-нян скрылась из виду, она снова расслабленно опустила плечи и продолжила дремать, повторяя про себя:

Я не голодна, совсем не голодна... это всё мусор, всё суета.

Прошло ещё полчаса, прежде чем Цзыжоу прокралась в храм.

— Барышня...

— Почему так долго?! — Линь Ляоляо уже извелась в ожидании. — Ещё немного, и твоя барышня здесь бы и осталась.

— Тсс...

— Что ты шипишь? — Линь Ляоляо покосилась на Линь Цзиньшу. — Она уже приходила, полчаса назад.

Сказав это, она спокойно открыла коробку, которую принесла Цзыжоу, и достала угощение.

— Я просила принести паровые пельмени, ну или хотя бы булочки! Эти сухие сладости — как их есть?

— В булочках и пельменях есть запах, матушка Вэй сказала, что в храме такое есть нельзя. Барышня, потерпите немного, вечером я приготовлю вам что-нибудь вкусное.

— Ладно уж...

Линь Ляоляо была так голодна, что забыла о манерах благородной девицы. Она хватала еду и глотала её почти не жуя. Цзыжоу, боясь, что она подавится, быстро достала рисовый отвар.

— Барышня, помедленнее...

— Угу...

Линь Ляоляо кивала, продолжая набивать рот. Раньше она никогда не терпела голод — работа требовала много сил, поэтому во всех её карманах всегда были булочки или шоколад. Сегодняшний день стал настоящим испытанием. Наевшись, она довольно икнула.

— Фу, какая грубость.

Линь Ляоляо погладила свой округлившийся живот. Услышав этот неприятный звук, она не рассердилась, а с улыбкой повернулась к Цзыжоу:

— Слышала?

— Что слышала? — испугалась Цзыжоу. — Старая госпожа идёт?!

— Зачем ей сюда идти? — Линь Ляоляо скривила губы. — Я про то, что некоторые любят притворяться. Ешь — так ешь, зачем эти игры? Живот-то всё равно урчит, как же шумно...

Цзыжоу поняла её и невольно посмотрела на вторую госпожу.

— Барышня...

— Можешь не приходить за мной, я сама дойду. Не маленькая, дорогу знаю. Каждый день за мной таскается старая нянька, я что, грудной младенец?!

Линь Цзиньшу закусила губу, от злости её лицо побледнело.

— Линь...

— Что?

Линь Ляоляо указала на неё пальцем:

— Попробуй только. Если не боишься наказания — кричи, можешь даже бабушку позвать, мне всё равно. А если ещё раз назовёшь меня по имени без должного уважения, в следующий раз я действительно тебя ударю. Ударю так, что мало не покажется. Сегодня я в хорошем настроении, поиграла с тобой в дочки-матери, так что побереги свои коварные мысли.

Если бы взгляды могли убивать, Линь Ляоляо была бы уже изрезана на куски. Жаль, что взгляды не убивают.

Как там говорится?

Люблю, когда ты меня ненавидишь, но ничего не можешь с этим поделать!

Как же хорошо... Хотелось бы даже выложить это в соцсети.

Когда зажглись огни, пришла нянюшка Тао, чтобы забрать девушек.

Линь Цзиньшу, едва вернувшись в павильон Циньсэ, рухнула на стол и разрыдалась. Такого горя она ещё не знала.

— Матушка, я пошла к пятой сестре только ради вас, а меня так унизили! Вы не должны оставлять это просто так!

Лю Хуэй, жалея дочь, гладила её по голове:

— Не волнуйся, я отомщу за тебя.

Вскоре пришёл Линь Сьюань. Хотя у него было трое дочерей и сын, больше всего он любил детей Лю Хуэй. Линь Минсюнь был мальчиком, поэтому вёл себя озорно, а Линь Цзиньшу была послушной и умела угодить отцу.

— Отец...

Линь Цзиньшу знала, как добиться своего. Она понимала, что отец её любит, и, даже будучи виноватой, умела вымолить прощение слезами. И действительно, увидев её заплаканные глаза, Линь Сьюань почувствовал смесь жалости и вины.

— Отец знает, ты хорошая девочка, это не твоя вина.

Он покачал головой и добавил:

— Матушка совсем выжила из ума.

Как Старая госпожа могла не знать, что Линь Цзиньхэ наказали несправедливо? Когда она забирала внуку, она даже не скрывала того, что велела нянюшке Тао помочь ей идти.

— Бабушка...

— Садись скорее.

Старая госпожа, увидев синяки на коленях внучки, не могла скрыть своей боли.

— Нянюшка Тао, носи мазь от ушибов.

Она сама закатала рукава и принялась смазывать ей раны.

— Обижаешься на бабушку?

— Нет, — покачала головой Линь Ляоляо. — Я знаю, что бабушка ничего не могла поделать. Это всё отец, он слишком предвзят.

Сердце Старой госпожи сжалось. Она больше не собиралась молчать:

— Посмотри, даже ребёнок видит, как он несправедлив! Его сердце совсем очерствело!

Они проговорили долго, и, когда наступила ночь, Старая госпожа ушла, перед этим надев на запястье Линь Цзиньхэ нефритовый браслет в золотой оправе.

Цзыжоу долго смотрела на него:

— У Старой госпожи есть нефритовый браслет? Я думала, у неё только чётки.

— Уйди, что ты мелешь! — махнула рукой матушка Вэй. — Старая госпожа — дочь знатной семьи, как у неё может не быть украшений?

Матушка Вэй посмотрела на браслет и задумалась:

— Старая госпожа впервые дарит что-то внукам. Теперь, когда барышня под защитой Старой госпожи, можно не беспокоиться.

Цзыжоу моргнула и вдруг спросила:

— Барышня, почему вы не сказали Старой госпоже, что рука пятой госпожи пострадала по вине второй?

— Ах, это я её припугнула. Но, судя по её виду, она точно замешана.

— Раз так, надо было сразу пожаловаться.

— Как? Без доказательств? Ты думаешь, она такая глупая, чтобы признаться?

— Раз она не признаётся, вы не должны были брать вину на себя. Это ведь она сама упала.

— Если бы я не призналась, как бы наказали Линь Цзиньшу? К тому же, в той ситуации, ты думаешь, отец стал бы слушать? В любом случае, наказали обеих, я ничего не потеряла.

Матушка Вэй нахмурилась:

— По-моему, барышне не стоило в это ввязываться. Наложница Чжао всегда была слабой, и пятая госпожа выросла такой же. Вы поможете ей сегодня, но сможете ли помогать всю жизнь? А Лю Хуэй затаит злобу, оно того не стоит.

Матушка Вэй вздохнула:

— Пусть Старая госпожа разбирается. Если с пятой госпожой что-то случится, никто не останется в стороне. Нам нужно брать пример со второй ветви семьи. Госпожа Ци — человек расчётливый. Она всегда выходит сухой из воды. А третья и четвёртая госпожи — те вообще ничего не видят и не слышат. Видели, они хоть раз пришли? Завтра больше не ходите к наложнице Чжао. Давайте будем заниматься каллиграфией, говорят, в Академию Гоцзыцзянь

пригласили мастера Лу...

— Матушка Вэй хочет, чтобы я наблюдала за пожаром с другого берега и берегла себя?

Матушка Вэй замерла. Эти слова прозвучали так веско, что она невольно подняла глаза.

— Матушка Вэй, вы задумывались, что наше положение отличается от второй ветви?

Линь Ляоляо опустила ногу и поправила платье:

— Вторая ветвь — это вторая ветвь. Даже если мы поссоримся, это не страшно. Но мы все живём в главном доме. Если сегодня Лю Хуэй придирается к пятой сестре, завтра она придёт ко мне. Матушка Вэй, когда губы холодны, зубы мёрзнут. Я помогаю ей сегодня не ради неё, а ради себя.

Матушка Вэй осталась безмолвна. Подумав, она поняла, что барышня права: если не поддерживать наложницу Чжао, барышня станет главной мишенью, а Лю Хуэй не оставит её в покое.

— Барышня права... это я была близорука.

После этой ссоры пострадавшая молчала, а вот виновница устроила настоящий скандал. Линь Цзиньшу внезапно заболела. Врач пробыл в павильоне Циньсэ целый день. Говорили, что вторая госпожа испытала сильный испуг и заболела.

Вчера наказана, сегодня уже лежит в постели. Любой, у кого есть хоть капля ума, понимал, в чём дело.

В полдень Линь Сяюань отправился в Зал Нинъань, но, как только вошёл, увидел на запястье Линь Цзиньхэ нефритовый браслет. Он узнал его — это был подарок Старой госпожи, изготовленный мастерами, чьи работы в Цзинду больше не найти.

Его лицо тут же вытянулось.

Он лучше всех знал свою дочь.

Старая госпожа погладила внучку по волосам:

— Не надо больше ничего мять, иди в комнату.

Линь Ляоляо послушно поклонилась. Она видела выражение лица отца и, уходя, намеренно

выставила браслет напоказ, не скрывая его.

— Дочь приветствует отца. Дочь уходит.

Она шла с прямой спиной, скрывая улыбку: я тебя сейчас до белого каления доведу, старый ты ослеплённый глупец!

— Матушка! Как... как вы могли отдать такой дорогой браслет Цзиньхэ?!

— А кому же ещё?

— ...

— Той, что в павильоне Циньсэ? У неё, кажется, и так всего полно.

— Матушка, что вы говорите? Вы можете не любить Лю Хуэй, но Цзиньшу — ваша внучка. Нельзя быть такой предвзятой.

Старая госпожа, не ожидая такой наглости, ткнула его тростью:

— Ты сам первый начал! Я дала тебе достаточно воли, но не смей наглеть! Ну и что, что я подарила ей браслет? Стоит ли из-за этого приходить и показывать мне своё недовольство?

— Матушка... я... я нет...

— А что ты сейчас делаешь? У тебя лицо вытянулось! Думаешь, я не вижу?

Линь Сыюань больше всего на свете боялся гнева Старой госпожи — эта привычка осталась у него с детства.

— Матушка, я правда нет. Я просто пришёл сказать, что Цзиньшу заболела.

— Заболела — иди к врачу! При чём тут я? Считаешь, что я виновата в том, что вчера её наказала? Хочешь, чтобы я пошла и просила у неё прощения?!

— Матушка, что вы... Цзиньшу... Цзиньшу сегодня винит себя, что не пришла к вам с поклоном.

Старая госпожа не хотела больше говорить с сыном:

— Нянюшка Тао! Нянюшка Тао!

— Старая госпожа...

— Иди, позови врача Лу!

Затем она снова указала на Линь Сьюаня:

— Напоминаю в последний раз: кроме Линь Цзиньшу, у тебя есть и другие дети! Убери свои грязные мысли, если ещё раз задумаешь что-то подобное — ноги переломаяю!

Было понятно, что Линь Цзиньшу притворяется. Врач Лу ещё даже не успел прийти, а она уже выздоровела. А вот Линь Сьюань, получив порцию гнева от Старой госпожи, вернулся, увидел, что с ней всё в порядке, и выместил всю ярость на павильоне Циньсэ, а на ночь ушёл к другой наложнице.

Линь Ляоляо подумала: вот уж точно — за что боролся, на то и напоролся.

<http://bllate.org/book/18628/1793586>